

085

ПОЦЕЛУЙ

МЕРЛИН ЛАВЛЭЙС

Ее незабываемый любовник

 HARLEQUIN® KISS™

Поцелуй – Harlequin

Мерилин Лавлейс

Ее незабываемый любовник

«Центрполиграф»

2014

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Лавлейс М.

Ее незабываемый любовник / М. Лавлейс — «Центрполиграф»,
2014 — (Поцелуй – Harlequin)

Агент Интерпола Доминик Сен-Себастьян не предполагал, что Натали Кларк – скромная референт, с которой он познакомился в доме тетушки Шарлотты, – окажется столь непредсказуемой особой. Эта серая мышка в бесформенной одежде и очках с толстыми линзами не только раскопала правду о его праве на титул великого герцога Карленберга, но и умудрилась вскружить голову темпераментному агенту. Спасаясь от повышенного внимания прессы, новоявленный герцог отправляется в родной Будапешт. Именно здесь, в самом романтичном городе Европы, Доминику предстоит выяснить, какие тайны скрывает загадочная мисс Кларк.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

© Лавлейс М., 2014
© Центрполиграф, 2014

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Мерлин Лавлэйс

Ее незабываемый любовник

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме. Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании лицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Her Unforgettable Royal Lover © 2014 by Merline Lovelace

«Ее незабываемый любовник» © ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

© Перевод и издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2016

Пролог

«Кто мог бы представить, что моя жизнь станет так полна на закате дней? Моя дорогая внучка Сара и ее муж Дев сумели соединить брак с различными видами деятельности, благотворительной работой и путешествиями по миру. Сара находит время вовлечь меня в работу над книгой о сокровищах искусства, которую пишет. Конечно, мой вклад весьма ограничен, но я наслаждаюсь осознанием того, что стала частью такого честолюбивого замысла.

Юджиния, моя беззаботная энергичная Юджиния преобразилась, став изумительной женой и матерью. Близнецы очень похожи на нее в таком же возрасте. Ясноглазые и живые, с яркой индивидуальностью. Прекраснее всего то, что кандидатуру ее мужа Джека рассматривают на пост американского представителя в ООН. Если назначение состоится, они будут жить всего в нескольких кварталах от моего дома.

А пока я наслаждаюсь обществом моей давней подруги и компаньонки Марии и моей прелестной, такой серьезной Анастасии. Анастасия второй год проходит интернатуру в педиатрии, и я, бессовестно играя на нашем дальнем родстве, убедила ее пожить со мной на время ее трехлетней программы в больнице. Она, бедняжка, работает на износ, но мы с Марией заботимся, чтобы она как следует питалась и хоть немного отдыхала.

Но меня волнует ее брат Доминик. Дом твердит, что не готов осесть. А почему он должен быть готов, если женщины так и вешаются ему на шею? Да и его служба меня тревожит. Чересчур опасная, рискованная. Хотелось бы, чтобы он бросил работу под прикрытием, встретив женщину, которая сумеет его в этом убедить. Вот он удивится, когда я скажу ему о документе, который только что обнаружил одаренный помощник-референт Сары!»

Из дневника Шарлотты, великой герцогини Карленберг

Глава 1

Август накрыл Нью-Йорк, когда Доминик Сен-Себастьян вышел из такси у здания «Дакота», похожего на замок. Волны жара плясали над тротуарами, подобно обезумевшим демонам. На другой стороне улицы в Центральном парке изголодавшиеся по влаге листья спархивали с деревьев, как пожелтевшее конфетти. Даже обычное рычание такси, лимузинов и туристических автобусов, объезжавших Аппер-Уэст-сайд, казалось сонным и невнятным.

Чего никак нельзя было сказать о швейцаре «Дакоты». Величественный и представительный в легкой летней ливрее, Джером вышел из-за стола, чтобы придержать дверь для вновь прибывшего.

– Спасибо, – кивнул Дом с европейским акцентом, несмотря на тот факт, что он знал английский так же хорошо, как свой родной венгерский.

Перебросив сумку в правую руку, левой он хлопнул Джерома по плечу:

– Как герцогиня?

– Так же сильна духом, как и всегда. Не желает нас слушать, но Зия убедила ее пока отказаться от ежедневного моциона в такую жару.

Дом не удивился, услышав, что сестра сумела добиться своего там, где остальные потерпели неудачу. Анастазия Амалия Джулианна Сен-Себастьян обладала высокими скулами, глазами экзотического разреза и поразительной красотой супермодели, сочетая это с упорством бульдога. И теперь его прекрасная упорная сестра жила с великой герцогиней Шарлоттой. Впервые Зия и Дом встретили свою давно потерянную родственницу только в прошлом году, но мгновенно с ней подружились, и так крепко, что Шарлотта пригласила Зию пожить в «Дакоте» на время ее интернатуры в больнице Маунт-Синай.

– Моя сестра перешла в новое отделение? – поинтересовался Дом, пока они с Жеромом ждали лифта.

Он не сомневался, что швейцар знает всю подноготную большинства жильцов, и во главе списка любимчиков Шарлотта Сен-Себастьян и две ее внучки, Сара и Джина. Недавно к избранным добавилась Зия.

– Да, на прошлой неделе. Она ничего не говорит, но я вижу, как ей тяжело приходится в онкологии. Каждому было бы тяжело диагностировать и лечить этих больных детишек. А в больнице интернов не шадят, загружают до упада. – Он покачал головой, но тут же, просветлев, добавил: – Зия, узнав о вашем приезде, выпросила выходной. И леди Юджиния тоже здесь. Прибыла прошлой ночью. С близнецами.

– Я не видел Джину и близнецов с самого дня рождения герцогини. Девочкам должно быть уже шесть или семь месяцев?

– Восемь.

Морщинистое лицо Джерома расплылось в улыбке.

– Леди Юджиния сказала, что они уже ползают. Так что лучше смотрите, куда ступаете и на что наступаете.

– Обязательно, – ухмыльнулся Дом.

Пока лифт поднимался на пятый этаж, он вспомнил, какими последний раз видел близнецов. Воркующие малышки, выдувающие пузырьки слюны, машущие пухленькими кулачками, уже казались записными кокетками, которым предстоит разбить немало сердец.

Дверь открыла раскрасневшаяся и раздраженная незнакомка.

– Давно пора! Мы...

И осеклась, подслеповато замигав, придерживая очки.

По вымощенному мрамором вестибюлю пронесся дуэт воплей.

– Вы не от «Остермана»! – заявила она тоном обвинителя.

– Из бакалейного магазинчика? Нет.
– В таком случае кто? О! Вы брат Зии!

Ее ноздри задрожали, словно уловив запах чего-то неприятного.

– Тот, который проходит сквозь женщин, как горячий нож сквозь масло!

Дом вздернул бровь, но не стал опровергать сказанного. Он любил женское общество. Особенно щедро наделенную природой разновидность с пухлыми губками, чувственными фигурами и всегда готовых поразвлечься.

Та, которая стояла сейчас перед ним, явно не подпадала под первые две категории, Впрочем, под бесформенным полотняным платьем и объемным жакетом трудно было разглядеть фигуру. Но губы уж точно не пухлые. Скорее, сжаты в тонкую линию и выражают почти неприкрытое неодобрение.

– Igen¹, – лениво согласился Дом на родном венгерском. – Я Доминик. А вы?

– Натали, – процедила она, морщась, поскольку вопли за ее спиной сменились оглушительным визгом. – Натали Кларк. Заходите, заходите.

Дом уже семь лет работал агентом Интерпола. За это время он помог посадить немало наркоторговцев, дельцов черного рынка и мерзавцев, продававших девочек и мальчиков тому, кто больше даст. Только в прошлом году он распутал и опроверг обвинение в убийстве и киднеппинге, здесь, в Нью-Йорке, выдвинутое против мужа Джини. Но сцена, представшая взгляду, когда он остановился в дверях элегантно обставленной гостиной герцогини, почти заставила его поджать хвост и сбежать.

Взъерошенная Джина пыталась удержать краснолицего, бешено извивавшегося младенца в платьице с оборками и кружевном чепчике с большим розовым бантом. Зия прижимала к груди второго, точно так же одетого и разъяренного ребенка. Герцогиня сидела, гордо выпрямившись, и хмурилась в поистине королевском неодобрении, в то время как пышнотелая гондураска, служившая экономкой и компаньонкой, стояла у входа в кухню с гримасой на темном лице, пока близнецы воем предъявляли претензии.

К счастью, предел терпения герцогини истощился прежде, чем Дом поспешно отступил. Сверкая глазами, она стиснула рукоять трости из слоновой кости белой рукой с голубыми венами.

– Шарлотта!

Трость ударилась о пол. Раз. Другой.

– Амалия! Будьте добры немедленно прекратить этот шум!

Дом не знал, что подействовало, громкий стук или команда, но вопли немедленно иссякли, как вода в перекрытом кране, и в залитых слезами глазках блеснуло изумление. Воцарилось благословенное молчание. Если не считать судорожной икоты девочек.

– Спасибо, – холодно обронила герцогиня. – Джина, почему бы тебе и Зии не отнести их в детскую? Мария принесет им бутылочки, как только из «Остермана» доставят молоко.

– Они вот-вот приедут, герцогиня.

Экономка, покачивая широкими бедрами, вошла на кухню.

– Я приготовлю бутылочки.

Джина направлялась в коридор, ведущий в спальни, когда увидела четверо- или пятиуродного кузена.

– Дом! – воскликнула она, погнав его поцелуй. – Я поговорю с тобой, когда успокою девочек.

– Я тоже, – поддакнула сестра с улыбкой в темных глазах.

---

¹ Да (венг.).

Дом поставил сумку, пересек гостиную и расцеловал герцогиню в обе щеки. Ее тонкая, как бумага, кожа издавала слабый аромат гардений. Глаза, хотя и затуманенные временем, почти ничего не упустили. Включая гримаску, которую он не мог скрыть, когда выпрямился.

– Зия говорила, тебя ударили ножом. Опять.

– Нож задел ребро.

– Да, нам нужно поговорить об этих ребрах и пулевых ранениях, ты их подцепляешь с устрашающей частотой. Но прежде всего належ нам...

Она осеклась, когда в дверь позвонили.

– Это, должно быть, доставка. Натали, дорогая, распишитесь, пожалуйста, и отнесите молоко Марии.

– Конечно.

Дом проводил взглядом незнакомку и повернулся к герцогине:

– Кто она?

– Помощник-референт. Сара ее наняла помочь с книгой. Ее зовут Натали Кларк, и, кстати, я хотела поговорить и о ней.

Доминик знал Сару, старшую внучку герцогини, бросившую работу редактора в модном глянцево-м журнале после свадьбы с миллиардером Девонем Хантером, выбившимся из низов. Знал он также, что Сара имела диплом Сорбонны по истории искусства и не отказывалась от посещения музеев по всему миру. Это и тот факт, что тысячелетние шедевры были сняты со стен и постаментов, когда Советский Союз захватил герцогство Карленбергское несколько десятилетий назад, побудило Сару записывать все, что она знала и слышала об утерянных сокровищах. Таким образом на нее вышел нью-йоркский издатель, предложив шестизначную сумму в качестве аванса, если она превратит свои заметки в книгу.

Дом не знал только, какое отношение эта книга имеет к нему, не говоря уже о помощнике-референте. Девушке не более двадцати пяти лет, но одевается она как отрекшаяся от обетов монахиня. Плохо постриженные мышино-каштановые волосы. Никакого макияжа. Квадратные очки с толстыми линзами. Простенькие балетки и бесформенное полотняное платье.

Когда за ней закрылась дверь, Дом, не выдержав, спросил:

– Не понимаю, что общего между мной и Натали Кларк? Почему вы хотите поговорить именно о ней?

Герцогиня небрежно взмахнула рукой:

– Налей нам палинки, и я все расскажу.

– Может, лучше бренди? В последнем имейле Зия сказала, что...

– Ба! Твоя сестра носится со мной больше, чем Сара и Джина, вместе взятые.

– И не без причины, верно? Она доктор. И лучше понимает проблемы с вашим здоровьем.

– Доминик!

Герцогиня пронзила его стальным взглядом:

– Я говорила твоей сестре и своим внучкам. Скажу и тебе. Тот день, когда я не смогу выпить аперитив перед ужином, станет днем, когда вы сможете отправить меня в дом престарелых.

– То есть вы не сможете перепить нас всех?

Дом, ухмыляясь, подошел к буфету и налил два хрустальных бокала.

«Ах, до чего он красив», – со вздохом подумала Шарлотта. Эти темные опасные глаза. Брови вразлет и блестящие черные волосы. Стройное крепкое тело, унаследованное от выносливых всадников, которые мчались по степям на крепких лошадках и опустошали Европу. В его жилах, как и в ее собственных, текла мадьярская кровь, смешанная, но не стертая веками браков с членами королевских семей когда-то великой Австро-Венгерской империи. Герцогство Карленбергское было частью этой империи. Крохотной частью, разумеется. Зато с семисотлетней историей. Теперь оно существовало только в пыльных исторических книгах, одной

из них предстояло изменить жизнь Доминика. Возможно, это и к лучшему, хотя Шарлотта сомневалась, что он так посчитает. Не сначала. Но со временем...

Она подняла глаза, когда причина этих перемен вернулась в гостиную.

– А, вот и вы, Натали. Мы как раз собирались выпить аперитив. Присоединитесь к нам?

– Нет, спасибо.

Рука Дома замерла на пробке графина богемского хрусталя, который он и Зия подарили герцогине при первой встрече. Решив смягчить неуступчивого референта, он медленно улыбнулся:

– Уверены? Абрикосовый бренди – это национальный напиток моей страны.

– Уверена.

Он моргнул. Черт возьми! Кажется, ее нос снова дернулся, словно она унюхала дурной запах. Какие, черт побери, небыллицы плели о нем Зия и/или Джина? Пожав плечами, он налил палинку в два бокала, один отнес герцогине и сел рядом с ней. Уж кому-кому палинка и не повредит, так точно референту. Чрезвычайно крепкий бренди двойной перегонки заставит задрожать не только ноздри.

– Сколько ты пробудешь в Нью-Йорке? – осведомилась герцогиня, сделав первый глоток.

– Всего один вечер. Завтра у меня встреча в Вашингтоне.

– Хм, мне следовало бы подождать возвращения Зии и Джинны, чтобы обсудить это с тобой, но они уже все знают.

– Знают? О чем?

– Об эдикте 1867 года.

Она отставила бокал. В выцветших голубых глазах плескалось возбуждение.

– Как ты помнишь из учебников по истории, война с Пруссией вынудила императора Франца-Иосифа пойти на определенные уступки своим вечно недовольным венгерским подданным. Эдикт 1867 года дал Венгрии полную внутреннюю автономию, пока она остается в составе империи, участвует в войнах и обсуждении иностранных дел.

– Да, я это знаю.

– Ты также знаешь, что Карленберг сделал собственное дополнение?

– Нет. Не знал. Не было причин знать, – мягко заметил Дом. – Карленберг больше ваше наследие, чем мое, герцогиня. Мой дед, кузен вашего мужа, оставил замок задолго до моего рождения.

А вскоре перестало существовать и герцогство.

– Твой дед, оставляя Карленберг, забрал свое имя и чистоту крови.

Шарлотта подалась к нему и впилась в его руку костлявыми пальцами, словно когтями:

– Ты унаследовал чистоту крови и это имя. Ты Сен-Себастьян. Последний великий герцог Карленберг.

– Что?!

– Натали обнаружила это в своих исследованиях. Дополнение. Император Франц-Иосиф подтвердил, что Сен-Себастьяны будут носить титулы великого герцога и герцогини. Вечно, в обмен на охрану границ империи. Империи больше не существует, но, несмотря на войны и восстания, этот небольшой участок границы между Австрией и Венгрией остается в прежнем виде. Следовательно, существует и титул.

– На бумаге, возможно. Но земли, особняки, поместья и охотничьи домики, составлявшие когда-то герцогство, давно поменяли хозяев или просто исчезли. Потребуется целое состояние и десятилетия судебных тяжб, чтобы что-то вернуть.

– Земель и домов больше нет. Но титул остался. Когда я умру, Сара станет великой герцогиней. Или Джина, если, не дай бог, что-то случится с ее сестрой. Но они вышли замуж за простолюдинов. Согласно законам первородства, их мужья не могут предъявлять права на титул великого герцога. Пока у Джинны или Сары не родится сын или пока их дочери не под-

растут и выйдут замуж за членов королевских семей, единственный, кто может претендовать на титул, – это ты.

Ну, еще бы! Титул и десять долларов помогут получить неплохой эспрессо в одном из самых дорогих кофе-баров Нью-Йорка.

Он сдержался и не высказал это вслух, однако бросил быстрый взгляд на женщину, слушавшую с выражением вежливого интереса, словно не она с ее исследованиями была инициатором этой абсурдной беседы! Ничего, он еще выскажет мисс Кларк свое мнение по поводу титула, навязанного агенту Интерпола.

Но он не позволил ни одной из этих мыслей отразиться в глазах и на лице, когда сжал руку герцогини.

– Я высоко ценю честь, которую вы хотите оказать мне, герцогиня. Это правда. Но при моей работе вряд ли я могу обременять себя титулом.

– Да. Я желаю поговорить и об этом тоже. Ты слишком много лет ходишь по лезвию бритвы. Сколько еще это будет продолжаться? Пока заденут не только ребро?

– Именно этот вопрос я ему и задавала, – поддакнула Зия, входя в гостиную.

Она воспользовалась несколькими часами отдыха от больницы, чтобы переодеться в любимые джинсы и летний ярко-красный топ. Насыщенный цвет поразительно контрастировал с ее темными глазами и волосами до плеч, такими же черными и блестящими, как у брата. Он встал и раскинул руки, она бросилась в его объятия и обхватила шею с той же яростной любовью, какую он испытывал к ней.

Она была на четыре года младше Дома. Ей двадцать семь, ему тридцать один. После смерти родителей он полностью взял на себя ответственность за сестру и круглыми сутками дежурил у ее больничной постели, когда она едва не умерла от кровотечения после прободения маточной кисты в первый год ее пребывания в университете. Осложнения во многом изменили ее жизнь, но ничуть не изменили отношение к ней Дома. Его стремление защитить сестру. Куда бы ни заносила его работа, каким бы опасным предприятием он ни был занят, стоило ей послать условное сообщение, и в течение нескольких часов, если не минут, он связывался с ней. Правда, он старался не раскрывать наиболее мрачные аспекты своей работы, но она знала достаточно, чтобы соглашаться с герцогиней.

– Тебе не обязательно работать под прикрытием. Твой босс в Интерполе сказал мне, что тебя ждет работа начальника сектора, когда бы ты этого ни захотел.

– Ты можешь представить меня за письменным столом, дорогая?

– Да!

– Ты совершенно не умеешь лгать.

Он сделал вид, что бьет ее в подбородок.

– Ты не выдержала бы и пяти минут допроса.

В комнату вернулась Джина. Откинув назад гриву локонов, она смело бросилась в атаку:

– Джек говорит, ты будешь превосходным передаточным звеном между Интерполом и Госдепартаментом. Собственно, он хочет поговорить с тобой об этом завтра. Когда будешь в Вашингтоне.

– При всем уважении к вашему мужу, леди Юджиния, я не готов вступить в ряды бюрократов.

Употребление почетного титула вызвало веселую улыбку на губах Джини.

– Поскольку здесь разбрасываются титулами, надеюсь, бабушка рассказала о дополнении?

– Рассказала.

– В таком случае...

Расправив юбку зеленого, как листва, сарафана, она присела в элегантно, немного театральному реверансе.

Дом пробормотал что-то, явно неподобающее особе королевской крови. К счастью, эта особа, Кларк, поспешно поднявшись, заглушила ропот.

– Прощу меня извинить. Это семейное дело. Оставляю вас обсуждать, а сама возвращаюсь к своим исследованиям. Позвоните мне, герцогиня, когда вам будет угодно, и мы продолжим нашу беседу.

– Обязательно. Вы в Нью-Йорке до четверга, верно?

– Да, мэ. Потом я лечу в Париж, чтобы показать заметки Саре.

– Ну, до этого мы еще встретимся.

– Спасибо.

Она наклонилась взять раздувшийся от бумаг портфель, прислоненный к ножке стула.

– Приятно было познакомиться, доктор Сен-Себастьян, и снова увидеться с вами, леди Юджиния.

Ее тон не изменился. И вежливое выражение лица осталось прежним. Но Дом не упустил из вида нечто в ее карих глазах, весьма похожее на презрение, когда она кивнула в его сторону:

– Ваша светлость.

Выражение его лица тоже не изменилось, но сестра и кузина хорошо знали эти вкрадчивые нотки в его голосе.

– Я провожу вас до двери.

– Спасибо, я дойду сама. О... э-э... хорошо.

Натали подслеповато моргнула за линзами очков. Улыбка не покидала красивое лицо Доминика Сен-Себастьяна, пальцы, сжимавшие ее плечо, конечно, не оставят синяков. Почему же она чувствует себя, как подозреваемый, которого уводят с места преступления? Особенно когда он остановился и пронзил ее взглядом прищуренных темных глаз!

– Где вы остановились?

– Простите?

– Где вы остановились?

Господи! Он что, флиртует с ней? Нет, этого не может быть! Она определенно не в его вкусе! Если верить веселым отчетам Зии, ее брат-холостяк обожает длинноногих блондинок или роскошных брюнеток. Судя по более едким замечаниям герцогини, за ним тянется длинный шлейф завоеваний.

Все это побудило Натали невзлюбить Доминика, еще даже не увидев. Однажды она влюбилась в слишком красивого, слишком красноречивого мошенника и за эту глупость будет расплачиваться до конца жизни. Все же она пыталась, действительно пыталась не выказать презрения, когда поспешно отняла руку.

– Где я остановилась? Вряд ли это ваше дело.

– Вы сами сделали это моим делом, откопав бессмысленное дополнение к эдикту.

Ничего себе! Он мог сжать ее плечо! Повести к двери, как под конвоем! Но определенно не имел права пренебрежительно отзываться о ее исследованиях!

Взбешенная, Натали открыла огонь:

– Это не бессмыслица, как вам хорошо известно! Если, конечно, проявляете хоть какой-то интерес к истории вашей семьи. Предлагаю выказать немного больше уважения к вашему наследию, ваша светлость, и к герцогине!

Он пробормотал что-то по-венгерски, как она подозревала, не особенно лестное. И загородил ей дорогу, подавшись вперед. Слишком близко! Она видела свое отражение в его зрачках. Уловила запах абрикосового бренди.

– Мое уважение к Шарлотте – причина необходимости разговора с глазу на глаз. Спрашиваю еще раз, где вы остановились?

Натали нервно отметила, что его мадьярские корни вылезают сейчас особенно отчетливо. Ей следовало бы поспешно укрыться в своей «раковине», где она жила долго, и это стало частью

ее жизни, как унылые волосы и одежда. Но какая-то искра прежнего «я» заставила ее вздернуть подбородок.

– Вам полагается быть большим скверным тайным агентом. Так что наруйте информацию сами.

Как только дверь за ней с легким стуком захлопнулась, Дом поклялся, что так и будет. Определенно будет.

Глава 2

Потребовался всего один звонок, чтобы снабдить его нужной информацией. Натали Элизабет Кларк. Родилась в Фармингтоне, штат Иллинойс. Двадцать девять лет, рост пять футов шесть дюймов, каштановые волосы, карие глаза. Не замужем. Окончила университет штата Мичиган по специальности библиотечное дело, специализируется по архивам. Три года работала в качестве архивариуса в коммюнити-колледж² Сентрвиля. В настоящее время находится в Лос-Анджелесе в качестве помощника-референта Сары Сен-Себастьян.

Архивариус! Господи Иисусе!

Дом направлялся в деловой центр города. Он представлял себе маленькую клетушку, девушку, уставившуюся в экран компьютера.

Неудивительно, что она ухватила за возможность стать референтом у Сары!

Мисс Кларк все еще занималась бесконечными компьютерными поисками. Рылась в архивах, бумажных и электронных. Ну, по крайней мере, путешествует по всему свету в поисках самых недоступных документов. И как предположил Дом, когда такси остановилось, делает это за весьма щедрую плату.

Он не потрудился остановиться у стойки портье, узнав из телефонного разговора, что мисс Кларк поселилась в номере 1304 два дня назад.

Через пару минут Дом постучался к ней. Судя по потемневшему глазку, она столь же осмотрительна в личной жизни, как и в работе. Он одобрительно улыбнулся, ожидая, пока откроют дверь.

Не дождавшись, снова постучал. И снова не получил ответа.

– Это Доминик Сен-Себастьян, мисс Кларк. Я знаю, вы в номере. И в состоянии открыть дверь.

Она с неохотой согласилась:

– Обычно считается вежливым звонить заранее, перед тем как идти в гости, вместо того чтобы просто появляться у двери.

Августовская влажность превратила ее бесформенное платье в нечто ужасно помятое, вместо балеток на ногах были гостиничные шлепанцы. Правда, она сняла заколку с волос, и они обрамили лицо на удивление густыми мягкими волнами. Девушка холодно смотрела на него сквозь очки.

– Могу я узнать, почему вы посчитали нужным приехать сюда? Поговорить со мной?

Дом спрашивал себя о том же. Он узнал, что она именно та, за кого себя выдает, проверил ее диплом. Правда, он и думать забыл бы о Натали Кларк, если бы не эти легкие подергивания носом.

Он убеждал себе, что презрение, которое она так быстро стерла с лица, возбудило в нем инстинкты копа. Его сестра, возможно, посчитает, что эти легкие намеки на неприязнь подстегнули его мужское эго. Дом никогда не мог устоять перед вызовом. Но несмотря на частые утверждения Зии в обратном, не пытался обольстить каждую женщину, привлекающую его внимание.

Все же он здесь и намерен остаться. Пока не удовлетворит свое любопытство касательно именно этой женщины.

– Я бы хотел получить больше информации о дополнении, которое вы обнаружили, мисс Кларк.

– Разумеется. Буду счастлива прислать вам документацию электронной почтой.

---

² Коммюнити-колледж – колледж, в котором учатся студенты, живущие дома.

– Предпочитаю увидеть все, что у вас есть сейчас. Могу я войти? Или продолжим нашу дискуссию в коридоре?

Она поджала губы и отступила. Ее очевидные колебания интриговали Дома. Жаль, что завтра в Вашингтоне у него встреча в Национальном центральном бюро – американском филиале Интерпола. Должно быть, интересно понять, каким образом можно заставить эти чопорные неодобрительные губы чувственно приоткрыться и выдохнуть его имя.

Он оглядел комнату. Его внимание привлек лэптоп с семнадцатидюймовым экраном, открытым на странице со снимком яйца, усыпанного драгоценными камнями.

– Фаберже? – спросил он, подходя ближе, чтобы полюбоваться яйцом, стоявшим на двухколесной золотой тележке.

– Да.

– «Херувим с колесницей», – прочитал Дом, – подарок царя Александра III жене Марии Федоровне на Пасху 1888 года. Одно из восьми яиц Фаберже, считающихся в настоящее время утерянными. Вы охотитесь за ним?

– Я документирую его историю.

Ее рука потянулась к крышке лэптопа. Словно так и чесалась захлопнуть.

– Что вы уже успели найти?

Губы снова плотно сжались, но Дом слишком поднаторел в допросах, чтобы снять ее с крючка. Он просто ждал, пока она неохотно кивнет.

– Судя по документам, оно находилось в Гатчинском дворце в 1891 году. Одно из сорока или около того яиц, отосланных в Оружейную палату Кремля после революции 1917 года. Некоторые эксперты считают, что его приобрели в тридцатых годах Виктор и Арманд Хаммеры. Но...

Он сразу увидел, когда восхищение своей работой одолело ее нежелание это обсуждать. В голосе прорезалось возбуждение, добавившее блеска карим глазам. Очень бархатистым, манящим карим глазам. Он сразу увидел это, когда она сняла очки и принялась вертеть дужку.

– Я нашла запись о подобном яйце, проданном в парижский антикварный магазин в 1930 году. Магазин принадлежал русскому эмигранту. Никто не знает, каким образом оно оказалось у них, но я нашла источник, который хочу проверить, когда на следующей неделе буду в Париже. Может быть...

Она вдруг осеклась и перестала вертеть очки. Возбуждение в карих глазах сменилось настороженностью.

– Я не пытаюсь выкачать у вас информацию, – заверил Дом. – Целый отдел в Интерполе занимается поиском утерянных, украденных или незаконно вывезенных культурных ценностей, как вам известно.

– Да, знаю.

– Поскольку вы едете в Париж, я могу устроить вам встречу с начальником отдела, если хотите.

Небрежное предложение, казалось, вывело ее из равновесия.

– Я... э-э-э... у меня есть доступ к их базе данных, но...

Ее взгляд снова упал на экран и вернулся к Дому.

– Буду очень благодарна, – сухо выдавила она. – Спасибо.

Улыбка расплылась на лице Дома.

– Вот видите, не так-то и сложно говорить по душам, верно?

В голове Натали немедленно завывли сирены тревоги. Она почти слышала этот громкий вой, хотя пыталась держать подбородок высоко и сохранять учтиво-отчужденное выражение. Она не позволит ленивой ухмылке и чувственно сверкающим глазам соблазнить ее. Никогда больше. Никогда.

– Я дам вам свою визитку, – скованно пробормотала она. – Ваш коллега может позвонить мне на мобильный или связаться по имейлу.

– Так холодна, так вежлива.

Не глядя на визитку, которую она извлекла из портфеля, он сунул ее в карман.

– Что во мне вам так не нравится?

А как насчет всего?

– Я недостаточно хорошо знаю вас, чтобы не любить.

Ей следовало бы остановиться. И она остановилась бы, не стой он совсем рядом.

– Не то чтобы я хотела узнать вас ближе. – Она пожала плечами.

И тут она поняла свою ошибку. Мужчины вроде Доминика Сен-Себастьяна примут это как вызов.

Стараясь не морщиться, Натали попробовала исправить ситуацию.

– Вы сказали, что хотите получить больше информации по дополнению. У меня в компьютере есть сканированная копия. Сейчас выведу и распечатаю вам экземпляр.

Он наклонился, чтобы смотреть в экран из-за ее плеча.

Его дыхание шевелило легкие прядки у виска, обдавало жаром ухо. Ей хотелось стгорбиться, потребовалось немалое усилие воли, чтобы сидеть прямо.

– Так, вот он! – воскликнул Дом, когда на экране появилось изображение. – Документ, который, по мнению герцогини, делает меня герцогом?

– Великим герцогом, – поправила Натали. – Простите, мне нужно проверить, есть ли в принтере бумага.

С подачей бумаги проблем не возникло. Ее маленький переносной принтер жизнерадостно выплевывал копии до того, как Сен-Себастьян грубо прервал работу. Но это самый лучший предлог, чтобы заставить его не дышать ей в шею!

Дом взял копию документа и удобнее устроился в кресле, пытаясь разобрать затейливый почерк. Натали подмывало позволить ему и дальше мучиться над трудностями верхненемецкого диалекта. Но она сжалась и распечатала перевод.

– Я наткнулась на дополнение, когда разыскивала Каналетто, который когда-то висел в замке Карленберг, – сообщила она. – Нашла весьма неясную ссылку на картину в Государственном архиве Австрии.

Она невольно заинтересовалась документом. Так много несведущих считало ее профессию скучной и унылой. Они и представить не могли, как это волнующе – следовать от одной тонкой ниточки к другой. Потом еще и еще одной.

– Дополнение было включено в большое собрание писем, хартий, договоров и заявлений, относящихся к Австро-прусской войне. Император Франц-Иосиф даровал вечный титул герцогам Карленберг в обмен на охрану границ империи. Пусть герцогство давно исчезло и многие государственные границы поменялись, но участок границы между Австрией и Венгрией остался нетронутым, несмотря на войны и вторжения. Следовательно, и титул вполне законен.

Он издал звук, больше похожий на фырканье.

– Мы оба знаем, что этот документ не стоит даже бумаги, на которой напечатан.

Оскорбленная за архивариусов всего мира, она опять вздернула подбородок:

– А герцогиня так не считает!

– Верно. Об этом мы и должны поговорить.

Он сунул распечатку в карман и взглядом пригвоздил ее к месту. Больше никакой ленивой улыбки. Никакого смеха в темных глазах.

– Шарлотта Сен-Себастьян едва успела сбежать из Карленберга с ребенком на руках, спасая свою жизнь. Прошла пешком двадцать или тридцать миль сквозь зимние вьюги. Я знаю, про нее говорят, будто она вынесла на себе целое состояние в драгоценностях. Я не подтвер-

жду эту историю, но предупреждаю вас: не следует пользоваться весьма естественным желанием герцогини видеть, как продолжается ее род.

– Пользоваться?

Она не сразу поняла, о чем речь. А когда поняла, ее просто задушил гнев, не давая говорить связно. Горло перехватило от жаркой злости.

– Думаете... Думаете, это дополнение – часть хитрого плана с моей стороны с целью выманить деньги у Сен-Себастьянов?

Она в бешенстве вскочила. Он тоже поднялся, без усилий, одним атлетически-гибким движением, спокойно пожал плечами:

– Пока я так не считаю. Но если обнаружу, что был прав, у нас с вами будет иной разговор.

– Убирайтесь!

Может быть, после того, как она немного остынет, признает, что вытянуть руку и указать на дверь – чересчур драматичный жест. Однако в тот момент она хотела одного – хлопнуть дверью с такой силой, чтобы как следует пнуть этого напыщенного осла под зад. Особенно когда он насмешливо вздернул брови:

– Не будет ли правильнее «убирайтесь, ваша светлость»?

Она скрипнула зубами:

– Про-ва-ли-вай-те.

Пока такси везло его в жилую часть города, где он намеревался последний раз повидаться с герцогиней и сестрой, Дом хмурился. Нельзя сказать, что разговор с мисс Кларк успокоил его сомнения. С референтом что-то не так. Он пока не понял, что именно. Она одевалась, как бомжиха, казалось, не желала ничьего общества. И все же, когда она яростно набросилась на него, ее щеки пылали алым цветом, и игнорировать это было трудно.

Она напомнила ему лошадку, из тех, на которых ездили его предки, когда вырвались из степей и наводнили область нижнего течения Дуная.

«И подобно упрямым маленьким пони, – с улыбкой подумал Дом, – мисс Кларк нуждается в укрощении. Пусть скрывается за очками с толстыми линзами и бесформенными платьями, но в гневе она великолепна. Жаль, нет времени ее покорить. Это куда интереснее, чем завтрашние встречи в Вашингтоне».

К тому времени, когда Зия впустила его в квартиру герцогини, он уже почти решил, что добьется своего.

– Вернулся? Так скоро? – Сестра весело поблескивала глазами. – Мисс Кларк не попала на удочку твоего мужского обаяния, не подумала прыгнуть с тобой в постель?

Ехидная шутка оказалась так близка к его недавним мыслям. Он ответил резче, чем предполагал:

– Я поехал в отель не для того, чтобы ее соблазнить!

– Нет? Первый случай в истории!

– Иисусе, Мария и Иосиф! Ну у тебя и язык, Анастазия Амалия! Мне следовало бы регулярно мыть тебе рот с мылом, когда была такая возможность!

– Ха! У тебя всегда не хватало сил удержать меня на одном месте. Но заходи, заходи. Сара на FaceTime³, говорит с бабушкой. Думаю, тебя заинтересует их беседа.

Герцогиня, прямая и негнущаяся, сидела в своем кресле, к которому была прислонена трость. На коленях лежал айпад, но она, очевидно, плохо с ним справлялась. На полу рядом с ней сидела Джина, держа экран под нужным углом.

Из динамика доносился голос Сары. На экране были она с мужем.

– Мне очень жаль, бабушка. Это просто само выскользнуло.

---

³ Нечто вроде скайпа для владельцев гаджетов Эппл.

– Что именно? – прошептал Дом сестре.

– Ты, – ответила она с лукавой улыбкой.

– Я?!

– Ш-ш, молчи и слушай.

– Звонила Алексис и предложила прорекламировать мою книгу в «Бигуайл», – говорила Сара. – Хотела обыграть мою бывшую работу в журнале и мой титул. – Она наморщила нос. – Ты знаешь, какова она!

– Знаю, – кивнула герцогиня.

– Я ответила, что книга еще не готова для рекламы. К сожалению, также добавила, что книга продвигается гораздо быстрее, потому что я наняла умного помощника-референта. Похвасталась письмом, которое Натали отырла в архивах Дома Пармы, то самое, от Марии-Антуанетты к ее сестре, где описывалась миниатюра, написанная с нее ле Брюном. Портрет пропал, когда разъяренная толпа грабила Версаль. – Она тяжело вздохнула. – Я сделала фатальную ошибку, упомянув о дополнении, на которое наткнулась Нат, расследуя историю с Каналетто.

При упоминании о Каналетто глаза герцогини затуманились.

– Твой дед купил мне картину с изображением Гранде-канала, – пробормотала она. – Сразу после того, как я забеременела твоей матерью.

Она впала в глубокую задумчивость, которую внучки не посмели нарушить. А когда через несколько минут вернулась к реальности, послала обеим хитрую улыбку.

– Вот где это случилось. В Венеции. Мы должны были поехать на карнавал в палаццо Ари Онассиса. Я купила роскошную маску, отделанную кружевом и жемчугом. Но, как говорится в этой мерзкой телевизионной рекламе, «никогда не узнаешь, когда появится настроение». Все, что могу сказать, – настроение в тот вечер у вашего деда явно появилось.

Джина буквально взвыла от восторга.

– Здорово сказано, бабушка!

Сара рассмеялась, а ее муж, смеясь, выругался:

– Черт! Моя жена предложила ехать на венецианский карнавал этой весной, но я уговорил ее вместо этого на фотосафари в Африке.

– В следующий раз послушаешь жену, – хмыкнула герцогиня.

Дом готов был побиться об заклад, что в африканской саванне их ждет такая же жаркая, пылкая страсть, как когда-то их деда в Венеции.

– Не понимаю, – вставила Джина. – И что такого случилось? Ну, рассказала ты Алексис о дополнении.

– Видишь ли...

Сара залилась краской.

– Боюсь, я упомянула и о Доминике.

Предмет разговора пробормотал проклятия, Джина снова взвыла:

– О-о-о! Вот это да! Твоя издатель-барракуда вцепится в это всеми зубами! Предполагаю, скоро снова будет опубликован рейтинг самых сексуальных особ мужского пола и королевской крови!

– Знаю, – поникла сестра. – Все это так же скверно, как в тот раз, когда Дому пришлось отдуваться за появление в очередном списке «Бигуайл». Когда увидишь его, передай, что мне ужасно, ужасно жаль.

– Он здесь! – Джина поманила Дома. – Скажи ему сама.

Когда Доминик встал перед камерой, Сара послала ему взгляд, полный самых искренних извинений.

– Прости, Дом. Я заставила Алексис пообещать, что она не потеряет голову из-за этого, но...

– Но тебе лучше подготовиться, приятель, – вставил муж из-за плеча Сары. – Твоя жизнь может сильно, очень сильно осложниться.

– Справлюсь, – заверил Дом с большей уверенностью, чем ощущал в этот момент.

– Ты так считаешь? – фыркнул Дев. – Вот погоди, пока женщины не начнут наперебой стараться засунуть номер телефона в карман твоих брюк, а репортеры полезут в душу с камерами и микрофонами.

Первое пророчество показалось Дому не таким уж отвратительным. Второе он счел абсолютно невероятным до того момента, как на следующий день вышел из такси у вашингтонского отдела Интерпола, где на него тут же набросилась стая репортеров, у которых текли слюни от запаха свежей крови.

– Ваша светлость! Посмотрите сюда!

– Великий герцог!

– Эй! Ваше сиятельство!

Покачав головой при виде очередного доказательства того, что все американцы помешаны на титулах, он закрыл лицо руками, как чертов преступник, и стал проталкиваться сквозь толпу новостных ищеек.

Глава 3

Две недели спустя настроение Доминика стало хуже некуда. Он был готов убить кого-то, потому что его физиономия смотрела с первых страниц десятков американских и европейских таблоидов, провозглашавших появление доселе неизвестного великого герцога.

Когда все это началось, он ожидал вызова в штаб-квартиру Интерпола. Даже предвкушал, что босс предложит взять все накопленные отпуска, которые он не успел использовать, и залечь, пока весь шум не утихнет. Да. Он предполагал все это, но ему не слишком понравилось, когда его отозвали и послали домой в Будапешт без всякого задания.

Всякий раз, когда он думал, что все улеглось, его лицо появлялось в очередном бульварном листке.

Пожар публичности повлиял и на его личную жизнь. Хотя муж Сары пытался предостеречь, Дом недооценил реакцию знакомых женщин на вновь обретенный титул.

Телефонный номер, который он давал людям, не связанным с Интерполом, теперь постоянно был занят. Звонили не только друзья, но и бывшие любовницы. А еще совершенно незнакомые дамы, раздобывшие его номер у своих друзей и теперь жаждущие познакомиться с ним более приватно.

Большинству он со смехом отказывал, некоторым, самым назойливым, предлагал заняться чем-то другим. Но одна оказалась такой забавной и сексуальной, что они договорились встретиться в кафе-баре. Выяснилось, что незнакомка – высокая роскошная брюнетка, столь же умная и обаятельная в жизни, сколь и в телефонном разговоре. Дом был более чем готов согласиться на ее предложение выпить по второй чашке кофе и отправиться либо на ее квартиру, либо в его мансарду. Однако, прежде чем это осуществилось, она попросила официанта снять их на сотовый. Будь он проклят, если она не отправила снимки тут же, за столом.

– Нескольким подругам, – объяснила она с улыбкой. Одна, как он обнаружил, когда очередная история появилась на газетных лотках, оказалась репортером местного таблоида.

Кроме того, для большинства друзей он больше не был Домиником Сен-Себастьяном. Он стал Домиником, великим герцогом герцогства, которое перестало существовать полвека назад!

Словом, он не слишком обрадовался, когда прохладным сентябрьским вечером кто-то забарабанил в дверь его мансарды. Тем более что стук сопровождался яростным лаем борзой, которая год назад последовала за ним домой и решила остаться.

– Тихо!

Бесполезная команда, поскольку пес считал священным долгом объявить о своем присутствии всем и каждому. Дом договорился с соседями снизу приглядывать за собакой, пока он на заданиях. Но во время вынужденного отпуска между человеком и собакой возникла крепкая связь, по крайней мере со стороны пса. Дом еще не примирился с необходимостью делиться пивом с псиной, обожавшей напиток.

– Только бы не очередной проклятый репортер, – пробормотал он, отталкивая коленом лаявшего пса и заглядывая в глазок. Он узрел двух полицейских в мундирах и какую-то забрызганную грязью особу, которую узнал, только когда открыл дверь. И тут же выругался по-венгерски:

– Натали! Что с вами случилось?

Она не ответила, поскольку была слишком занята псом, пытавшимся сунуть нос между ее ног. Дом снова выругался, схватил собаку за ошейник и оттащил, но по-прежнему не получил ответа. Она просто смотрела на него, хмурая лоб. Волосы обвисли и разметались неряшливыми прядями.

– Вы Доминик Сен-Себастьян? – осведомился один из полицейских.

– Да.

– Иначе говоря, великий герцог?

Дом нетерпеливо зарычал и еще крепче сжал собачий ошейник.

– Да.

Второй полицейский, чье имя, судя по бейджу, было Граджник, глянул в газету с зернистым снимком Дома и брюнетки в кафе.

– Похоже, это он и есть.

Его партнер показал на Натали:

– И вы знаете эту женщину?

– Знаю.

Дом оглядел референта, от спутанных волос до порванного жакета и того, что выглядело мужскими кроссовками на несколько размеров больше, чем следовало бы.

– Какого черта с вами случилось?

– Может, нам лучше войти? – предложил Граджник.

– Да-да, конечно.

Полицейские проводили Натали в комнату. Прежде чем присоединиться к ним, Дом запер собаку в ванной. Та выла и скреблась в дверь, но вскоре вынюхала гигантскую жевательную кость. Из тех, которые хранились в корзине для таких случаев.

Помимо маленькой ванной, в мансарде было одно гигантское помещение, в котором когда-то хранились артефакты из музея этнологии. Когда музей переехал в другое место, здание переделали в кондоминиумы. Зия тогда как раз получила полную стипендию медицинского факультета, потому Дом решил вложить свои сбережения в квартиру в дорогом районе Замковая гора в Буда. После чего обрабатывал наждаком и лаком дубовые полы, пока они не засверкали. Он также снес часть нависающей крыши и открыл вид на Дунай, узрев который, гости только ахали.

Сегодняшние посетители не составили исключения. Все трое глазели на залитые светом шпили, огромный купол и витражи здания парламента на другом берегу реки.

Дом безжалостно вернул их к действительности:

– Пожалуйста, садитесь и объясните, в чем причина вашего визита.

– Все дело в этой женщине, – сказал Граджник по-английски с сильным акцентом, когда все расселись. – Как, вы сказали, ее зовут?

Дом перевел взгляд на Натали:

– Вы не назвали своего имени?

– Я... я не помню.

– Что?

Она еще больше нахмурилась:

– Я ничего не помню.

– Если не считать великого герцога, – сухо вставил Граджник.

– Погодите. Начните сначала.

Полицейский кивнул и стал листать записную книжку.

– Для нас все началось в половине одиннадцатого утра, когда нам позвонили и заявили, что прохожие выловили из Дуная женщину. Мы немедленно выехали на место происшествия и нашли ее на берегу в компании своих спасателей. При ней не было ни туфель, ни сумочки, ни сотового, никаких документов. Кроме того, она не помнит, как оказалась в реке. Когда мы спросили ее имя, имя друга или родственника здесь, в Будапеште, она сказала всего два слова: «Великий герцог».

– Иисусе!

– В основании черепа под волосами у нее шишка величиной с гусиное яйцо.

Дом снова взглянул на Натали. Она осторожно пощупала затылок.

– Скорее с голубиное, – поправила она, хмурясь.

– Да, мы предположили, что она могла упасть с моста или туристического судна и ударилась головой. Хотя ни одна из туристических компаний не сообщила о пропавшей пассажирке. Нам пришлось везти ее в больницу. Доктора не нашли серьезных повреждений или сотрясения мозга.

– Вы все ясно видите? Перед глазами не плывет? – резко спросил Дом. Он получал и раздавал достаточно ударов по голове, чтобы знать все неприятные симптомы. – Никакой тошноты, рвоты или потери равновесия?

– Только потеря памяти. Доктор сказал, что это довольно обычно при таких травмах. Поскольку нам некуда было ее девать, пришлось решать: либо оставить в больнице, либо привезти к единственному человеку, которого она, похоже, знает в Будапеште. К великому герцогу.

Какая ирония! Особенно если вспомнить дрожащие ноздри и презрение в глазах. Он подозревал, что мисс Кларк предпочла бы скорее оказаться в приюте для собак, чем быть доставленной к нему.

– Я позабочусь о ней, – пообещал он, – но она должна была остановиться в какой-то гостинице.

– Если это так, мы дадим вам знать.

Граджник открыл пустую страницу и взял ручку:

– Итак, как, вы говорите, ее зовут?

– Натали. Натали Кларк.

– Американка, судя по акценту.

– Верно.

– И работает на вашу кухню?

– Да, в качестве помощника-референта.

Пытаясь что-то выведать, Дом нерешительно осведомился:

– Натали, вы должны были на этой неделе встретиться с Сарой в Париже, верно?

– С Сарой?

– Моя кузина. Сара Сен-Себастьян Хантер.

Первой реакцией стал недоуменный взгляд. Вторая испугала всех троих мужчин.

– Голова болит.

Она с уродливой гримасой вскочила:

– Я устала. И эта одежда воняет.

С этим сухим объявлением она направилась к незастланной постели в дальнем конце мансарды, на ходу сбрасывая кроссовки. Дом, в свою очередь, взметнулся с места, когда она высвободилась из своего драного жакета.

– Погодите!

– Я устала. Мне нужно поспать.

Дом попытался ее удержать, но она сбросила его руку и повалилась на постель лицом вниз. Все наблюдали за ней с различной степенью удивления и обреченности. Она зарылась лицом в подушку.

Граджник первым прервал молчание:

– Что же, полагаю, нам здесь делать нечего. Теперь, когда у нас есть ее имя, мы сумеем отследить прибытие мисс Кларк в страну и ее передвижения по Венгрии. Мы также найдем отель, где она поселилась. А вы позвоните нам, когда и если она вспомнит, почему решила нырнуть в Дунай. Договорились?

– Разумеется.

После их ухода Дом немедленно схватил телефон. Через пять гудков отозвался сонный голос кухни:

– Алло, кто это?

- Это Дом, Сара.
– Дом?
– Где ты?
– Мы... э-э-э... в Даляне. Китай, – добавила она, очевидно просыпаясь и вдруг встревожившись. Дом никогда не звонил среди ночи, да еще на другой конец света!
– Все в порядке? Бабушка? Джина? Зия? О боже! Одна из близняшек?
– Все в порядке, Сара. Не могу сказать того же о твоём референте.
Он услышал шуршание простыней. Скрип кровати и сонное бормотание.
– Дев! Проснись! Дом говорит, что-то случилось с Натали!
– Я не сплю.
– Говори! – потребовала она.
– Предположительно свалилась с моста или круизного судна. Ее выловили из реки сегодня рано утром.
– Она... она мертва?
– Нет, но у нее большая шишка в основании черепа, и она ничего не помнит. Даже своего имени!
– Господи боже!
Простыни снова зашуршали.
– Дев, Натали сильно пострадала. Пожалуйста, позвони команде, пусть приготовят самолет. Мне нужно немедленно лететь в Париж!
– Она не в Париже, – вмешался Дом. – Она со мной в Будапеште.
– В Будапеште? Но как? Почему?
– Я надеялся, ты мне скажешь.
– Когда мы встретились в Париже, она ничего не говорила о Венгрии. Только что может снова поехать в Вену, продолжить розыски Каналетто.
В голосе Сары проскользнули обличительные нотки.
– Она собиралась и дальше исследовать дополнение к эдикту. Ее обеспокоила твоя информация.
Он много чего сказал, но распространяться об этом не собирался. По крайней мере, сейчас.
– Так ты не знаешь, почему она здесь, в Венгрии?
– Понятия не имею. Она сейчас с тобой? Дай мне поговорить с ней.
Он бросил взгляд на женщину, спавшую непробудным сном:
– Она отключилась, Сара. Заявила, что устала, и плюхнулась в кровать.
– Потеря памяти? Она поправится?
– Подобно тебе, я понятия не имею. Но тебе лучше связаться с ее семьей. На всякий случай.
– У нее нет семьи.
– Ну, хоть какие-то родственники есть? Дед с бабкой? Дядя или тетя, прозябающие в глуши?
– Никого. Перед тем как я ее наняла, Дев приказал полностью все проверить. Натали не знает своих родителей и почему ее бросили младенцем. Она жила в нескольких детских домах, пока в восемнадцать лет не поступила в Мичиганский университет на полную стипендию.
Очевидно, собранной им информации недостаточно.
– Я немедленно лечу в Будапешт, – заявила Сара. – Заберу Натали. Она будет жить у меня, пока память не вернется.
Дом бросил взгляд на референта. Инстинкт подсказывал, что он горько пожалеет о решении, которое готов принять.
– Почему бы тебе не подождать? Возможно, завтра все будет в порядке. Я тогда позвоню.

– Не знаю.

– Я позвоню тебе, Сара. Как только она проснется.

Когда та неохотно согласилась, он распрощался и несколько секунд стоял, держа трубку. Он слишком долго работал под прикрытием, чтобы принимать что-либо за чистую монету или верить кому-то, особенно женщине, которую выловили из Дуная и которая вообще не должна была находиться в Будапеште. Он стал снова нажимать кнопки телефона. Его контакт в Интерполе ответил почти сразу же:

– Oui?⁴

– Это Дом, – ответил он на беглом французском. – Помните расследование, которое вы проводили для меня две недели назад?

– Oui.

– Мне нужно, чтобы вы копали глубже.

– Oui.

Закончив разговор, он несколько минут продолжал рассматривать нежданную гостью. Помятая юбка закрутилась вокруг ног, застегнутая до самого верха блузка, похоже, душила ее.

После короткого спора с собой Дом перевернул ее. Расстегнул блузку, стал снимать, но она открыла сонные глаза и пробормотала:

– Что вы делаете?

– Укладываю вас удобнее.

– М-м-м.

Прежде чем он успел стянуть с нее блузку и юбку, она уже спала. Под юбкой оказались простые белые хлопчатые трусики, прикрывавшие стройные бедра и очень миленький задик. Он благородно воспротивился порыву стащить с нее и белье, просто прикрыл простыней, после чего открыл бутылку «Пилзнера» для себя, еще одну для собаки и приступил к ночному бдению.

Он снова перевернул ее сразу после полуночи, приподняв ей веко. Она недовольно заворчала, но не раньше, чем он увидел, как с обнадеживающей быстротой сузился и расширился зрачок.

Через два часа он опять ее разбудил.

– Натали! Вы меня слышите?

– Проваливайте.

Последний раз он проверил ее состояние перед рассветом. Потом растянулся на кожаном диване и стал наблюдать, как темная ночь окрашивается в золотое и розовое сияние.

Что-то холодное и мокрое ткнулось ей в локоть. В плечо. В подбородок.

Однако она не проснулась, пока полоска грубой кожи не оцарапала щеку.

Натали непонимающе заморгала. Краем сонного сознания поняла, что находится в постели, и открыла глаза.

– Фу!

Блестящая от слюны розовая пасть с черными деснами и длинным языком, свисавшим между зловещими острыми клыками, нависала всего в нескольких дюймах от ее глаз. Словно в ответ на ее испуганный вопль открытая пасть шумно выдохнула и издала оглушительный лай.

Она стала отползать, как испуганный краб, но при этом увидела веселые глаза над длинным носом, широкий лоб, увенчанный одним коричневым и одним белым ухом, и длинное худое тело с энергично машущим хвостом.

---

⁴ Да (фр.).

Очевидно, пес принял ее отступление как знак того, что она уступает ему место в постели, и с громким фырканием приземлился на матрац. Язык снова заработал, покрывая слюной ее щеки и подбородок, прежде чем она успела оттолкнуть пса.

– Эй, прекрати!

Но его радость была заразительна. Засмеявшись, она погладила его:

– О'кей, о'кей! Я тоже тебя люблю. Но довольно работать языком!

Он все-таки еще раз дотянулся до нее, прежде чем позволил перевернуть себя на спину, после чего немедленно вытянул все четыре лапы, прося почесать пузо. Она подчинилась, чем вызвала дрожь экстаза.

– Красивый парень, – пробормотала она.

Нежась под ее пальцами, он энергично заработал ногами.

– Интересно, как тебя зовут?

– У него нет клички, – сказал кто-то за спиной.

Повернувшись, она окинула испуганным взглядом огромное, скудно обставленное помещение. Судя по потолочным балкам с деревянными фермами в форме буквы «А», это чердак. На удивление хорошо отремонтированный чердак со сверкающими дубовыми полами и современным освещением.

Перегородок не было совсем. Лишь изогнутая, доходившая до пояса стойка из стеклянных блоков, отделяющая зону кухни. Мужчина за стойкой выглядел как у себя дома. Темноволосый и темноглазый, в футбольной рубашке в яркую красно-черную полоску, с логотипом какой-то неизвестной ей команды. Стрейчевая ткань облегла широкие мускулистые плечи. Волнистые стеклянные блоки позволяли видеть такие же мускулистые бедра, облаченные в беговые шорты.

Ее рука застыла на собачьем пузе при виде того, как он включает эспрессо-машину из нержавеющей стали. Та почти немедленно выдала струйку густой черной жидкости.

Натали по-прежнему не отрывала от него глаз. Он наполнил чашки и обошел стеклянную стойку.

Когда он пересек комнату, собака села. Натали последовала ее примеру, потянув за собой простыню. По какой-то непонятной причине она спала в нижнем белье.

Он что-то приказал на неизвестном ей языке. Повторил, уже тверже. Пес неохотно спрыгнул с кровати.

– Как вы себя чувствуете?

– Я... э-э-э... хорошо.

– Голова болит?

Она попробовала осторожно повернуть голову:

– Я не... ой!

Морщась, она потрогала шишку:

– Что случилось?

– Непонятно. То ли вы упали с моста, то ли с туристического судна и ударились головой. Хотите аспирин?

– Господи, да!

Он протянул ей чашку и направился, как она предположила, в ванную, спрятанную под одним из скосов. Она воспользовалась его коротким отсутствием, чтобы снова осмотреть похожую на пещеру комнату в поисках хоть чего-то знакомого.

Паника крошечными мурашками поползла по спине, когда она наконец осознала, что сидит скрестив ноги на незастланной постели. В незнакомой комнате. С собакой, сторожившей в нескольких шагах, улыбавшейся от уха до уха и выглядевшей так, словно вот-вот на нее прыгнет.

Она подняла чашку дрожащими руками. Край стучал о зубы, кофейная пена осела на верхней губе, когда она сделала первый нерешительный глоток.

– Брр...

Первым порывом было выплюнуть невероятно крепкий эспрессо. Но учтивость и холодный пристальный взгляд хозяина чердака вынудили ее глотнуть.

– Лучше запивать это водой.

Она с благодарностью сменила чашку на стакан и уже потянулась к двум маленьким белым таблеткам, но внезапно застыла и с сильно заколотившимся сердцем уставилась на таблетки.

О боже! Может, ее опоили? И он намерен снова ее усыпить?

Слабый проблеск здравого смысла пытался пробиться через натянутые нервы. Если бы хотел опоить ее, с таким же успехом мог бы что-то подсыпать в кофе. Тем не менее она отвела его руку.

– Я... не стоит... У меня, возможно, аллергия.

– Вы не носите медицинского браслета с предупреждением.

– Я вообще мало что ношу.

– Верно.

Он оставил таблетки и чашку на низкой книжной полке, служившей также прикроватной тумбочкой. Натали сжала стакан, взглянула на улыбающуюся собаку, на него. По спине снова поползли мурашки.

– Ладно, – дрожащим голосом пролепетала она, – кто вы?

Глава 4

– Я Доминик. Доминик Сан-Себастьян. Для друзей и родственников – Дом. – Он глядел ей в глаза, ища малейший проблеск узнавания. Если она изображает непонимающий взгляд, значит, чертовски хорошая актриса.

– Я кузен Сары, – добавил он.

Ничего. Глазом не моргнула. Брови не свела.

– Сара Сен-Себастьян Хантер, – продолжал он и, выждав секунду, решил выпалить из всех орудий: – Она внучка Шарлотты, великой герцогини Карленберг.

– Карленберг?

– Вы изучали документ, относящийся к Карленбергу. Вернее, дополнение к нему.

На мгновение показалось, что он задел за живое. Брови сошлись, губы сложились в знаковой гримаске. Она громко выдохнула и подвинулась к краю кровати, таща за собой простыню.

– Я не знаю ни вас, ни вашей кухни, ни ее бабушки. Теперь, если не возражаете, я бы хотела одеться и уйти.

– Куда именно?

Она мгновенно насторожилась:

– Я... не знаю...

Очевидно, она пыталась сообразить, куда идти, но ничего не вышло.

– Где... где я?

– Вероятно, это поможет.

Дом подошел к окну и раздвинул шторы. В комнату ворвался утренний свет. Снова появился великолепный вид на Дунай, картинный красный купол парламента и лес шпилей.

– О-о-о!

Завернувшись в простыню, как в сари, она подступила к стеклянной стене.

– Как великолепно.

– Узнаете здание?

– Вроде как. Может быть.

Судя по голосу, она далеко не была в этом уверена. И как отметил Дом, не прищурилась, не напрягала зрение, когда изучала величественное здание на другом берегу реки. Очевидно, очки ей нужны для чтения или для того, чтобы рассмотреть находящиеся вблизи предметы. Да, она носила их во время двух предыдущих встреч. Почти как щит.

– Сдаюсь.

Она повернулась к нему. Изящные ноздри подрагивали, паника туманила глаза.

– Где я?!

– В Будапеште.

– Венгрия?

Он хотел спросить, существует ли город с таким же названием в другой стране, но паника вызвала на ее глазах слезы. Она начала всхлипывать. Шумно, некрасиво, отчего пес вскочил, прижал уши, длинный узкий хвост вытянулся. Словно он чуял врага, но не знал, где искать.

– Все в порядке, – заверил Дом как собаку, так и женщину. Он подумал, что от нее пахнет рекой, но стал гладить ее волосы. Рекой, дизельным топливом и мягкой дрожащей женщиной, все еще теплой после сна. Так отличавшейся от сухой высокомерной особы, которая выгнала его из гостиничного номера. Его голос понизился до хриповатого шепота:

– Все хорошо.

– Вовсе нет!

Слезы полились градом, промочив рубашку и заставив пса нервно завывать. Стуча когтями по доскам, он обошел Дома и женщину, цеплявшуюся одной рукой за рубашку, а другой за простыню.

– Ничего не понимаю! Почему я не могу вспомнить, где нахожусь? Почему не могу вспомнить вас?!

Она нервно дернулась и уставилась на него.

– Мы... мы женаты?

– Нет.

Ее взгляд упал на кровать.

– Любовники?

Он позволил себе паузу, прежде чем одарить ее медленной улыбкой.

– Пока еще нет.

Его тут же одолели угрызения совести. Ее глаза были такими огромными и испуганными, нос покраснел и потек. Он провел большим пальцем по ее щеке, стирая слезы, и смягчил голос.

– Помните, как полиция привела вас сегодня прошлой ночью?

– Думаю... да.

– Сначала они отвезли вас в больницу. Помните?

Она наморщила лоб.

– Сейчас вспоминаю.

– Вас осмотрел доктор. Сказал полиции, что кратковременная потеря памяти часто случается при повреждениях головы.

– Насколько кратковременная? – Натали ухватила за его слова.

– Не знаю, dragam.

– Меня так зовут – Dragam?

– Нет, это нежное слово. Вроде «милая» или «дорогая». Вполне обычно для Венгрии, – добавил он, когда ее взгляд снова сделался встревоженным. – Ваше имя Натали. Натали Элизабет Кларк.

– Натали.

Она словно перекаtywала имя в голове. На языке.

– Не то имя, которое я выбрала бы для себя, – фыркнула она. – Но полагаю, сойдет.

Коричневая с белым борзая ткнула ей в колено, словно требуя заверений, что все хорошо. Натали высвободилась из объятий Дома и костяшками пальцев погладила широкий умный лоб собаки.

– А кто этот парень?

– Я зову его kutya. Это по-венгерски собака.

Она подняла на него глаза, мокрые, но осуждающие.

– Ты зовешь его просто собакой?

– Как-то ночью он пошел за мной и решил устроиться в квартире. Я думал, это временно.

Поэтому мы так и не дошли до церемонии крещения.

– Так он бродяжка, – хрипло выдавила она. – Вроде меня.

Дом понял, что нужно действовать быстро, если он хочет предотвратить очередной ливень.

– Бродяжка или нет, его нужно вывести. Почему бы вам не принять душ? Допейте кофе, пока я выведу его на утреннюю прогулку. По дороге куплю яблочных оладий на завтрак. Потом мы решим, что делать дальше.

Видя, как она колеблется, как дрожат ее губы, он приподнял ее подбородок.

– Мы все уладим, Натали. Только не будем торопиться. Шаг за шагом.

Она прикусила губу и слегка кивнула.

– Ваша одежда в ванной. Прошлой ночью я ее постирал, она, возможно, еще не высохла.

Он кивком показал на гардероб с двойной дверью рядом с ванной.

– Поищите, может, что-нибудь найдете.

Она снова кивнула и, подтянув простыню выше, чтобы не споткнуться, потопала в ванную. Дом подождал, пока польется вода, натянул носки и поношенные кроссовки и взял поводок.

Натали. Натали Элизабет Кларк.

Почему звучит как-то не так? Ощущается как нечто чужеродное?

Она завернула вымытые волосы в полотенце и внимательно посмотрелась в зеркало. Отражение было столь же туманным, как то, что творилось у нее в голове.

Она стояла под горячими острыми иглами душа и пыталась понять, что, во имя Господа, делает в Будапеште. Это не может быть ее домом. Она слова не знала на венгерском.

Поправка. Теперь знает два слова: kutyа и... как он назвал ее? Драконом или чем-то в этом роде.

Доминик. Его зовут Доминик. Она подумала, что это имя ему подходит. Куда больше, чем ей Натали. Эти мускулистые плечи, сильные руки, грудь, на которой она рыдала, – все свидетельствовало о мужественности и мощи и, да, стремлении повелевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.